

УДК 94(38):929

doi: 10.26907/2541-7738.2020.3.56-71

ОБРАЗ ПЕРИКЛА В ДРЕВНЕАТТИЧЕСКОЙ КОМЕДИИ

О.А. Рыканцова

*Центральная городская публичная библиотека имени В.В. Маяковского,
г. Санкт-Петербург, 191025, Россия*

Аннотация

В статье рассматриваются пьесы Аристофана, а также сохранившиеся фрагменты сочинений других авторов древнеаттической комедии как один из главных источников по биографии Перикла. Анализируются основные темы инвектив в адрес Перикла: комический шарж политика, представление о тиране Перикле, образ разжигателя войны, Перикл – кунктатор и др. С учетом новейших исследований по этим темам обсуждаются не теряющие своей актуальности проблемы, такие как степень искажения комического образа Перикла, его восприятие афинской публикой, а также влияние комедии на формирование представлений о политике Перикла в исторической традиции. Статья является очередной попыткой соотнести образ Перикла в комедии с тем, что нам известно о его деятельности на афинской политической арене из других источников, прежде всего, из сочинений древнегреческих историков.

Ключевые слова: Афины, Перикл, древнеаттическая комедия, Аристофан, Пелопоннесская война

Будучи выдающимся политиком своего времени, Перикл не раз становился объектом шуток в древнеаттической комедии. Политическая направленность этого жанра обычно не вызывает сомнений у исследователей, однако использование комедии как исторического источника, отражающего политическую жизнь Афин, оценивается по-разному. М. Вickers в монографиях «Перикл на сцене» [1] и «Аристофан и Алкивиад» [2] практически в каждом герое из сохранившихся комедий Аристофана видит пародию на Перикла, Алкивиада или кого-либо из их окружения. Например, по сообщению анонимного автора «Жизнеописания Аристофана», пусть и вызывающему сомнение в его правдивости, но всё же отражающему восприятие комедии еще в античную эпоху, Платон в ответ на вопрос сиракузского тирана о политическом строе Афин прислал ему комедию Аристофана «Облака». М. Вickers, обращаясь к этому сообщению, считает главных героев комедии Стрепсиада и Фидиппида сценическими воплощениями образов Перикла и Алкивиада [1, р. ix, 22–58]. И если аристократические замашки, увлечения и образ мыслей Фидиппида еще позволяют ассоциировать его с Алкивиадом (существует предположение, что первая версия комедии «Облака» не выиграла состязания из-за интриг друзей Алкивиада [3, с. 52–59]), то за фигурой крестьянина средней руки Стрепсиада непросто разглядеть Перикла. Смелые

предположения и любопытные наблюдения, изложенные в монографиях М. Викерса, дают пищу для размышлений. Однако многие исследователи (в частности, А.М. Бови [4, р. 1–17], Дж. Растен [5]) призывают не увлекаться исключительно политическим контекстом комедий, указывая на многогранность древнеаттической комедии, в которой миф и повседневность, политика и религия сплелись в единое целое.

Тем не менее ни одна биография Перикла не обходится без ссылок на древнеаттическую комедию, эту традицию начал Плутарх, его биография Перикла пестрит цитатами из комических пьес (Plut. Per., 3, 4, 7, 13, 16, 23, 24, 33). Благодаря Плутарху и сохранилось большинство фрагментов комедий, содержащих намеки на Перикла. Как заметил В. Азулей в монографии, посвященной Периклу, именно свидетельства литературы, а не эпиграфика и археология остаются основными источниками информации о политике [6, р. 8]. Даже вероятное имя рода Перикла по линии отца Ксантиппа – Бузиги – определяют благодаря его упоминанию в комедии Евполида «Демы». В одном из сохранившихся фрагментов этой комедии лучшим оратором назван нечестивый Бузиг (ὁ Βουζύγης ἄριστος ἀλιτήριος (Eurpol., v. 5, fr. 103)¹). Элий Аристид приводит эту цитату из Евполида как подтверждение особого ораторского дара Перикла (Ael. Aristid., XLVI, 130). Однако существуют две версии по вопросу о том, кто имеется в виду в этом фрагменте: согласно одной из них, речь идет о Перикле, и Бузиги – имя рода его отца Ксантиппа, а эпитет «нечестивый» (ἀλιτήριος) – намек на его связь с родом Алкмеонидов [7, с. 15–16], согласно другой – отождествлять Перикла с Бузигом ошибочно, а во фрагменте из «Демов» упоминается оратор Демострат, ратовавший за Сицилийскую экспедицию (Plut. Nic., 12; Aristoph. Lys., 390–398)². Таким образом, этот вопрос нуждается в дальнейшем рассмотрении, но мы не будем подробно на нем останавливаться в рамках настоящей статьи.

Мы рассмотрим основные мотивы упоминания Перикла в древнеаттической комедии. Конечно, к этому вопросу обращался так или иначе каждый исследователь, изучавший биографию Перикла, но нам кажется важным затронуть его еще раз³.

Плутарх отмечал, что внешность Перикла, в частности необычная продолговатая форма его головы, стала благодатной почвой для насмешек в комедии (Plut. Per., 3): Перикла называют «лукоголовым» (σχινοκέφαλος) или «головеносцем» (κεφαληγερής)⁴ по аналогии с Зевсом⁵. Кроме подобных шаржей, в комедиях проскальзывают и более серьезные выпады в адрес Перикла.

¹ Нумерация фрагментов древнеаттической комедии дается по изданию: Poetae Comici Graeci (PCG).

² В. Азулей и С.Д. Олсон считают, что Евполид имел в виду Демострата [6, р. 17; 8, с. 136–137]. Дж.К. Дэвис приводит оба предположения, но, кажется, отдает предпочтение версии о Демострате [9, р. 459]. А.М. Бови считает, что в этом фрагменте речь идет о Перикле, представленном в образе мифического героя Бузига, при этом не уточняет, принадлежал ли сам Перикл к роду Бузигов [10, р. 149].

³ Существует монография на немецком языке, посвященная образу Перикла в комедии [11]. Одно из последних обращений к образу Перикла в древнеаттической комедии на русском языке см. [12].

⁴ Плутарх сообщает, что на статуях Перикла изображали со шлемом на голове, чтобы скрыть этот физический недостаток (Plut. Per., 3). Однако В. Азулей считает, что Плутарх неверно интерпретирует уже забытую в его время традицию изображения стратега с поднятым коринфским шлемом на голове [6, р. 34]. По мнению А.Дж. Подлеки и Ст.В. Трейси, все комические шутки про голову Перикла связаны с его лысиной, а не с физическим недостатком [13, р. 169, 172; 14, р. 106].

⁵ Зевс у Гомера именуется «тученосцем» (νεφέληγερής) (см. [15, с. 671]).

Комедиографы всячески подчеркивают всесилие Перикла, намекают на тиранический характер его власти. Плутарх упоминает о внешнем сходстве Перикла и Писистрата и говорит о том, что Перикл боялся из-за этого сходства вызвать у афинян ассоциации с тиранией (Plut. Per., 7)⁶. Авторитет политика, видимо, делал такие ассоциации неизбежными, ведь не зря комические поэты называли окружение Перикла «новыми писистратидами» (Plut. Per., 16). Телеклид – афинский комедиограф, старший современник Аристофана [18, р. 1436] – перечисляет полномочия Перикла, свидетельствующие о всевластии политика: «И что касается форосов, взимаемых с полисов, и с каких полисов их следует взыскать, каким отменить, какие каменные стены построить, какие, наоборот, разрушить, и договоры, и власть, и сила, и мир, и богатство, и благосостояние» (πόλεων τε φόρους αὐτάς τε πόλεις τὰς μὲν δεῖν, τὰς δ' ἀναλύειν, λάινα τεῖχη τὰ μὲν οἰκοδομεῖν, τὰ δὲ τᾶμπάλιν αὖ καταβάλλειν, σπονδὰς δύναμιν κράτος εἰρήνην, πλοῦτόν τ' εὐδαιμονίαν τε)⁷ (Plut. Per., 16 = Telecl., v. 7, fr. 45). К сожалению, отрывок вырван из контекста, но, кажется, в нем речь идет, скорее, о тирании Перикла по отношению к афинским союзникам, чем к своим согражданам. Перикл будто олицетворяет Афинскую архэ и берет на себя ответственность за ее деяния⁸. Этот фрагмент обычно относят к рубежу 440–430-х гг. до н. э., то есть ко времени Самосской войны [19, р. 190, р. 206–207]. Возможно, кровавые расправы над самосцами и другими союзниками, связанные с именем Перикла, позволили создать такой образ в комедии⁹. Так о подавлении Периклом восстания на Евбее в 446 г. до н. э. упоминается еще в комедии «Облака», первый вариант которой был создан Аристофаном через шесть лет после смерти политика, что, безусловно, свидетельствует о большом значении этих событий для современников и долгой памяти о них.

Как подчеркивает В. Азулей, Перикл никогда не был автократом, а исполнял коллегиальную должность стратега, и его притязания на власть явно преувеличены комедиографами [6, р. 145–146]. Однако авторитет Перикла был, по видимому, беспрецедентно велик, это было необычно для афинян и в определенные моменты могло вызывать беспокойство, ведь, как подчеркивает Дж. МакГлю, афинянам была чужда мысль о том, что значительная личная власть плоха, только если коррумпирована [21, р. 167]. Влияние Перикла на афинян, если опираться на сообщение Фукидида, вполне могло быть оправдано неподкупностью политика и его талантами государственного деятеля (Thuc., II, 65). В определенный период положение Перикла было настолько незыблемо, что, предоставляя отчет об исполнении должности стратега, он мог определить расход в десять талантов «на необходимое», не разъясняя подробно причину столь больших издержек. При этом Плутарх передает свидетельства некоторых авторов о нетривиальном использовании этих денег: якобы ими Перикл подкупал спартанцев, чтобы отсрочить войну

⁶ И.Е. Суриков считает, что это сходство неслучайно, так как Перикл, возможно, является праправнуком Писистрата (дочь сына Писистрата Гиппия – мать Агаристы, матери Перикла) [16, с. 286]. О других вариантах родства Перикла и Писистрата см. [17, р. 80].

⁷ Перевод наш. – О.Р.

⁸ В определенной мере Сократ в комедии «Облака» также осмеивается как собирательный образ, понесший наказание за неоднозначное влияние на афинскую общественную жизнь различных философских направлений.

⁹ Комедии, видимо, содержали довольно острые шутки на этот счет: ведь не зря с войной на Самосе и авторитетом Перикла связывают закон, ограничивающий осмеяние отдельных лиц в комедии (440/439–437/436 гг. до н. э.). Об этом законе (Schol. Aristoph. Ach., 67) и других попытках сдерживания свободы слова на афинской сцене см. [20].

и дать возможность афинянам лучше подготовиться к ней (Plut. Per., 23). Стрепсиад, герой комедии Аристофана «Облака» (423 г. до н.э.), оправдываясь за оставленные в «мыслильне» Сократа плащ и туфли, припоминает отчет стратега и схожим образом отвечает, что всё потратил, как Перикл, на «надобности важные» (ῶσπερ Περικλέης ἐς τὸ δέον ἀλώλεσα) (Aristoph. Nub., 859)). Цель Стрепсиада не менее серьезна – пройти обучение в «мыслильне» Сократа и спасти свой дом от разорения, избавившись от заимодавцев. Как мы упоминали выше, «Облака» были представлены афинской публике уже после смерти Перикла, а его фраза из отчета еще была памятна афинянам и, по-видимому, вызывала усмешку.

Значительная часть комических фрагментов, содержащих инвективы в адрес Перикла, принадлежит Кратину, старшему современнику Аристофана. Кратину даже приписывают чувство личной ненависти к политику, наподобие вражды между Аристофаном и Клеоном [13, p. 175]. К сожалению, отсутствие полностью сохранившихся комедий Кратина, а также достоверных источников по этому вопросу не позволяет утверждать, вызваны ли шутки Кратина над Периклом личными взаимоотношениями между ними или являются следствием характерной особенности древнеаттической комедии – осмеивать наиболее видных политических деятелей своего времени, коим, безусловно, являлся Перикл. Фрагменты комедий Кратина содержат практически весь спектр известных нам комических шуток в адрес Перикла. Всесилие и авторитет Перикла подчеркиваются постоянным изображением политика в образе Зевса¹⁰. Причем этот образ настолько прочно закрепился за Периклом, судя по сохранившимся фрагментам, что его упоминание в комедии не требует каких-либо дополнительных разъяснений для зрителя. Один из ярких примеров – фрагмент из «Фракиянок» Кратина¹¹: «Вот лукоголовый Зевс приближается – Перикл, неся Одеон на макушке, с тех пор как остракизм миновал» (ὁ σχινοκέφαλος Ζεὺς ὀδὶ προσέρχεται ὁ Περικλέης, τῷδεῖον ἐπὶ τοῦ κρανίου ἔχων, ἐπειδὴ τοῦστρακὸν παροίχεται)¹² (Plut. Per., 13 = Cratin., v. 4, fr. 73). Во «Фракиянках» Кратина, помимо уже обсуждавшихся шуток о «лукоголовом Зевсе», затрагивается и строительная программа Перикла, в частности упоминается Одеон, возможно, как предмет особой гордости политика. М. Реверманн видит в головном уборе в форме Одеона намек на корону Зевса, в которой он изображался как герой комических сцен на сосудах из Великой Греции, и Одеон даже рассматривается как намек на монархическую власть восточного характера, тем более, Плутарх передает слухи о том, что Одеон по форме напоминал палатку персидского царя (Plut. Per., 13), а также [23, p. 302–305]. Кроме того, в сохранившемся фрагменте находит отражение внутривосточная борьба в Афинах, в частности, счастливо закончившаяся для Перикла процедура остракизма¹³. Т. Браун даже

¹⁰ Плутарх, правда, считает, что прозвище «Олимпиец» Перикл получил в комедии, в основном, за его дар слова и ораторские манеры (Plut. Per., 8), но нам кажется, это объяснение носит дополнительный характер.

¹¹ О содержании «Фракиянок» практически ничего неизвестно: возможно, оно было как-то связано с культом Бендиды, упоминающимся в одном из фрагментов комедии (Cratin., fr. 85), о культе Бендиды в Афинах см. [22].

¹² Перевод наш. – О.Р.

¹³ Упоминание остракизма позволяет исследователям относить комедию «Фракиянки» ко времени после 444/443 г. до н. э., то есть после остракизма политического соперника Перикла – Фукидида, сына Мелея (чаще всего относят к 430-м гг. до н. э.), но это лишь один из вариантов датировки пьесы [13, p. 175].

замечает, что в этом фрагменте Кратин, кажется, не критикует Перикла, а, скорее, поздравляет [24, р. 214]. Существует, однако, и гиперкритический подход к фрагменту из «Фракиянок», предложенный Дж. Растином. Исследователь скептически относится к упоминанию Перикла в этом фрагменте, считая, что вместо имени «Перикл» имеется в виду эпитет Зевса «весьма славный» (περικλέης), а «Одеон на макушке» – пародия на комическую корону Зевса [5]. Эти наблюдения довольно интересны, однако, они, на наш взгляд, добавляют больше неразрешимых вопросов, чем ответов, так как совершенно не объясняют упоминания остракизма и не исключают намеков на Перикла в образе Зевса, пусть и не названного по имени.

Во фрагменте из комедии Кратина «Немесиды»¹⁴ перед нами, видимо, вновь предстает в образе Зевса Перикл на этот раз с эпитетами «головастый» (καράϊος)¹⁵ и «гостеприимный» (ξένιος) (Plut. Per., 3 = Cratin., v. 4, fr. 118). Ксений – распристранная эпиклеза Зевса, свидетельствующая о том, что он покровительствовал законам гостеприимства. В отношении Перикла этот эпитет может быть интерпретирован как намек на большое количество иностранцев в ближайшем окружении Перикла (к ним относится и Аспазия) [15, с. 671]¹⁶. В «Хиронах» Кратин создает Периклу целую божественную генеалогию, описывая его как величайшего тирана, рожденного Распрей (Στάσις)¹⁷ и Временем (Χρόνος) (Plut. Per., 3 = Cratin., v. 4, fr. 258), под стать ему супруга – Аспазия-Геря, рожденная Распутством (Καταλυγούσωνη) (Plut. Per., 3 = Cratin., v. 4, fr. 259). Плутарх начинает биографию Перикла с рассказа об Агаристе, матери политика. За несколько дней до рождения Перикла Агаристе приснилось, что она родила льва (Plut. Per., 3). По-видимому, источником Плутарха стало сообщение Геродота, передающего ту же историю (Hdt., VI, 131). Рассказ о сне Агаристы должен был вызвать тревожные чувства у афинян, так как образ льва неоднозначен, он несет в себе знак тиранической силы и могущества, активное влияние которых в политической жизни может иметь печальные последствия¹⁸. Такой рассказ способен навеять ассоциации с одним из самых больших страхов афинян – возвращением тирании. Так, повествование Геродота о рождении Кипсела, тирана Коринфа, тоже содержит предсказание о рождении льва (Hdt., V, 92). Во «Всадниках» Аристофана Кожевник-Клеон, намекая на свое особое положение среди афинского демоса, зачитывает пророчество в свой адрес: «Будет жена и родит она льва в богзданных Афинах...» (Aristoph. Eq., 1037). Возможно, это намек на рассказ о рождении Перикла или на аналогичные предсказания о появлении сильных личностей на политической арене.

Предсказания такого рода, кажется, появлялись не зря. Именно Перикл в комедии обвиняется в разжигании войны со Спартой, имевшей столь печальные для Афин последствия. Так в сохранившемся синопсисе комедии Кратина «Дионисалександр» прямо указывается на то, что Перикл высмеивается за развязывание

¹⁴ О сюжете и времени постановки «Немесиды» см. [23, р. 305–306].

¹⁵ Так перевел эпитет καράϊος С.И. Соболевский в сочинении Плутарха (Plut. Per., 3).

¹⁶ Этот эпитет также может быть связан с предполагаемой принадлежностью Перикла к роду Бузигов. Так А.И. Зайцев упоминает о том, что жрецы Зевса из рода Бузигов во время ритуальной пахоты проклинали всякого нарушителя законов гостеприимства [25, с. 81].

¹⁷ Возможно, намек на активную политическую борьбу Перикла за влияние в Афинах.

¹⁸ О неоднозначности образа льва у Геродота см. [26].

войны (Р. Оху. 663). Эта комедия, считается, была поставлена около 429 г. до н. э. еще при жизни Перикла. Комический сюжет пьесы заключается в том, что бог Дионис предстает в образе Париса (Александра), и ему Гера, Афина и Афродита обещают соответственно вечную власть (*τυραννὶς ἀκινήτος*), смелость на войне (*εὐψυχία*¹⁹ *κατὰ πόλεμον*), красоту и очарование (*κάλλιστόν τε καὶ ἐλέραστον αὐτὸν ὑπάρχειν*). Выбрав дар Афродиты, Дионис похищает Елену и скрывается на Иде. Услышав о том, что ахейцы ищут Александра и разоряют окрестности Трои, он прячет Елену в корзину, а сам превращается в барана. Александр прибывает на Иду, чтобы разыскать Диониса и Елену и выдать их ахейцам. Найдя их, Александр проявляет жалость к Елене, а Диониса выдает ахейцам, о чем скорбит хор сатиров.

Ряд исследователей считают комедию «Дионисалександр» примером политической аллегории: в образе ахейцев, совершающих набеги на Трою, представлены спартанцы, а в образе Диониса, ради собственной выгоды развязавшего войну, – Перикл²⁰. В монографии, посвященной творчеству Кратина, Э. Бакола призывает с осторожностью относиться к таким параллелям, так как имеющиеся сведения о пьесе не позволяют с уверенностью утверждать, что политическая сатира была основополагающим элементом комедии Кратина [27, р. 196]. Из этого следует, что Перикл, может, и упоминается в комедии, но не обязательно выведен в образе Диониса. Однако ассоциация Перикла с Дионисом, по-видимому, закрепилась на афинской сцене, сменив комический образ Перикла-Зевса. И в комедии Гермиппа, предположительно в «Мойрах»²¹, Перикла называют «царем сатиров»:

Эй, сатиров царь! Почему же ты
 Не поднимешь копье? Лишь одни слова
 Сыплешь ты про войну, все грозней и грозней,
 А душа у тебя – Телета²²!
 И когда острят лезвие меча,
 То, в страхе дрожа, ты зубами стучишь
 От укусов смелых Клеона²³

(Plut. Per., 33 = Hermipp., v. 5, fr. 47).

Известно, что не все соглашались со стратегией Перикла и его отказом от решительного сражения со спартанцами. В комедии эта стратегия вполне могла быть показана трусливой²⁴. Интересно, что в комедии «Дионисалександр» Афина тоже обещала Дионису именно смелость, а не победу в войне. Хотя, если вспомнить «Лягушки» Аристофана, комический образ трусливого Диониса был хорошо знаком афинской публике.

В комментарии Плутарха к отрывку из комедии Гермиппа говорится о том, что Клеон, желая занять место Перикла в общественной жизни Афин, выдвигал

¹⁹ Существует, однако, вариант чтения: *εὐτυχία κατὰ πόλεμον* («успех на войне»), см. [19, р. 72].

²⁰ Мнения исследователей по данному вопросу разобраны в монографии Э. Баколы: [27, р. 181–188], а также по этому вопросу см. [21, р. 168].

²¹ Подробный анализ фрагмента см. [28].

²² По-видимому, имя Телета ассоциировалось с нерешительностью и трусостью.

²³ Перевод С.И. Соболевского.

²⁴ Промедление в делах уже вменялось в вину Периклу комедиографами: так Кратин, по сообщению Плутарха, отразил в своей комедии задержки в строительстве Длинных стен: «Перикл уж давно всё строит на словах, а дела не видать...» (пер. С.И. Соболевского) (Plut. Per., 13 = Cratin., fr. 326). Видимо, не зря биографию Перикла Плутарх сравнивает с жизнеописанием римского полководца Фабия Максима Кунктатора.

против него обвинения в суде, так же как молодой Перикл в свое время преследовал Кимона (Plut. Per., 33, 35; Aristot. Ath. Pol., 27.1). Во «Всадниках» Аристофана Клеон в борьбе с Колбасником за влияние на Демос угрожает объявить его принадлежащим к роду нечестивцев (ἐκ τῶν ἀλιτηρίων σέ φημι γεγρονέναι τῶν τῆς θεοῦ) (Aristoph. Eq., 445–446). Скорее всего, в этом отрывке имеется в виду род Алкмеонидов, к которому по материнской линии принадлежал Перикл, и его родовое проклятие в связи с Килоновой смутой. Такие обвинения в начале Пелопоннесской войны, вероятно, активно звучали в адрес Перикла, тем более что, по сообщению Фукидида, спартанцы требовали очищения Афин от осквернения, косвенно намекая на изгнание Перикла (Thuc., I, 126–127). Возможно, Клеон активно использовал этот эпизод в политической борьбе против Перикла, что и нашло отражение в комедии Аристофана.

Перикл умер, как известно, на второй год Пелопоннесской войны. Если инвективы Телеклида, Кратина, Гермиппа в адрес Перикла звучали еще при жизни политика, то сохранившиеся комедии Аристофана были созданы уже после его смерти. Закон Солона, запрещающий говорить дурно о мертвых (Dem., XX, 104), по-видимому, не распространялся на комедию, поэтому нападки на Перикла (как, впрочем, и на других) продолжались на афинской сцене и после его смерти. В двух комедиях Аристофан обвиняет Перикла в развязывании войны ради личной выгоды (Aristoph. Ach., 524–539; Pax, 605–611).

В комедии «Ахарняне» о Перикле говорится как о тиране-Зевсе, который стал инициатором мегарской псефизмы (главной причины войны в комедии), чтобы защитить интересы Аспазии (о ней говорится как о содержательнице публичного дома). Якобы у нее мегаряне украли двух рабынь в ответ на аналогичные действия со стороны афинян, что можно рассматривать как указание на несправедливый характер войны со стороны Афин, так как они первые оскорбили мегарян (Aristoph. Ach., 524–539).

В комедии эти обвинения вложены в уста Дикеополя, справедливого гражданина, считающего скорейшее заключение мира справедливейшим исходом войны, ведь спартанцы не являются единственными виновниками конфликта (Aristoph. Ach., 309–310). Дикеополь произносит эту речь в образе царя Мисии Телефа, героя одноименной трагедии Еврипида, вступившего в борьбу против ахейцев, грабивших его царство на пути к Трое. По мнению А.М. Бови и К. Карея, для Аристофана главная цель этой речи – вызвать смех афинян, напоминая эпизод из знаменитой трагедии; а не обсудить, пусть и в карикатурной форме, причины и повод Пелопоннесской войны [29; 30].

Дж. Форрест видел в монологе Дикеополя пародию на «Историю» Геродота [31]²⁵, объяснявшего начало вражды между эллинами и варварами взаимными оскорблениями, вызванными похищением женщин: аргосской царевны Ио, дочери финикийского царя Европы, дочери колхидского царя Медеи, и наконец, жены спартанского царя Елены (Hdt., I, 1–5). Конечно, аллюзии на произведения трагиков играют важную роль в творчестве Аристофана, также может иметь место влияние на комедиографа исторических сочинений. Но пародирование того или иного трагического героя, скорее, является не самоцелью драматурга, а лишь

²⁵ С Дж. Форрестом соглашается и К.Дж. Довер [32, p. 87].

художественным средством для выражения политической сатиры, которая благодаря таким сравнениям острее воспринимается зрителем.

В комедии «Мир» Аристофан вновь выставляет Перикла зачинщиком войны. По словам вестника богов Гермеса, напуганный судебными процессами против близких ему людей, в частности против Фидия, Перикл сам боится оказаться на их месте, поэтому проводит закон о мегарянах, рассчитывая на военные действия, которые сплотят афинян вокруг личности стратега и заставят забыть о его пошатнувшемся политическом авторитете (Aristoph. Pax, 605–614). Тригей, главный герой комедии, и предводитель хора, правда, весьма скептически реагируют на слова Гермеса: они никак не могли предположить, что Фидий, а значит, и Перикл, всему виной (Aristoph. Pax, 615–618). Судя по реакции Тригея и дальнейшей речи Гермеса, публика должна была воспринять как шутку рассказ о Фидии и Перикле – зачинщиках войны [24, p. 215]. Гермес перечисляет основные проблемы афинской политической жизни, препятствовавшие воцарению мира: отношения с союзниками, недовольными необходимостью платить форос; корыстолюбие и лицемерие знатных спартанцев (ὄντες αἰσχροκερδεῖς καὶ διεφθονόξενοι (Aristoph. Pax, 623); личные интересы демагогов, желавших использовать войну в своих целях, главный из осуждаемых политиков – Клеон (Aristoph. Pax, 619–648). Таким образом, круг замкнулся: от Перикла, развязавшего войну ради личной выгоды, Аристофан перешел к следующей видной политической фигуре – Клеону, во имя собственного честолюбия ее продолжившему. Как отмечает С.Д. Олсон, публика любила комедии Аристофана за то, что он ярко умел показать: вовсе не демос ответственен за плачевное положение дел в Афинах, что освобождало афинян от груза политической ответственности, а это в условиях прямой демократии непросто было сделать [33, p. 69]²⁶.

Вряд ли Аристофан считал Перикла единственным виновником войны, но политик, по сообщению Фукидида, явно оценивал войну со Спартой как неизбежность и поощрял ее начало (Thuc., I, 127, 141). Об этом хорошо было известно афинянам, слушавшим речи Перикла, и поэтому образ Перикла – разжигателя войны – активно использовался комическими поэтами на афинской сцене, благодаря их фантазии обрастая новыми домыслами и слухами.

Пускай эти обвинения были не совсем справедливы и не отражали истинных причин войны, изложенных Фукидидом, но они повлияли на формирование определенных штампов в отношении Перикла. Диодор Сицилийский напрямую цитирует упомянутый отрывок из комедии Аристофана «Мир» в качестве яркой иллюстрации представлений о причинах Пелопоннесской войны, изложенных со ссылкой на Эфора (Diod., XII, 40. 6, 41). По сообщению Плутарха, мегарцы обвиняли в развязывании войны Перикла и Аспасию, цитируя в доказательство этого известные, общераспространенные стихи из «Ахарнян» о краже двух рабынь у Аспазии (Plut. Per., 30). В современной историографии продолжается дискуссия на тему причин, побудивших Перикла активно поддерживать начало военных действий: некоторые исследователи считают, что политик вверг Афины в войну

²⁶ По сообщению Фукидида, в речи Диодота, сына Евкрата, подчеркиваются схожие настроения афинян, желавших возложить ответственность за принятие решений на своих лидеров: «В случае неудачных последствий принятого совета, вы в раздражении караете советника за одну его ошибку, а вашу собственную ошибку прощаете себе, если ее разделяют многие» (Thuc., III, 43).

ради своих личных, эгоистических интересов [34, с. 140], другие предполагают, что Периклом двигали, прежде всего, идеи величия Афин и особого места в истории, которое этот полис может занять благодаря войне со Спартой [17, р. 193–194]. На наш взгляд, необходимо иметь в виду оба фактора. Конечно, у политика такого уровня должна была быть своя концепция развития Афин, тем более что Перикл всеми силами пытался создать образ политика, ставящего интересы полиса выше дружеских и семейных связей (Plut. Per., 7)²⁷. Но объективно нельзя отвергать и возможное присутствие личных целей и мотивов, отголоски которых доносятся до нас сквозь туман веков.

Возвращаясь к Аристофану, следует отметить, что к Периклу он относится куда более почтительно, чем к Клеону, и вскользь делает сравнение в пользу Перикла в комедии «Всадники» (Aristoph. Eq., 282–283). Кожевника-Клеона в очередной раз обвиняют в воровстве (на этот раз он уносит еду из Пританея, что запрещено), при этом говорят, что сам Перикл не имел такого права (здесь в очередной раз подчеркивается особый статус Перикла, также его сдержанность по сравнению с последователями, в частности с Клеоном). Возможно, сказывается влияние личной вражды между Аристофаном и Клеоном.

В комедии Евполида, младшего современника Аристофана, «Демы» Перикл уже занимает почетное место в подземном царстве Аида. Эта комедия, по-видимому, была создана между 418 г. (в этот год произошла упоминаемая в комедии битва при Мантинее (Eurpol., v. 5, fr. 99.30)) и 411 г. до н. э. (предполагаемым годом смерти Евполида)²⁸. По сюжету комедии, чтобы принять решение, как спасти Афины, призываются самые авторитетные политики и законодатели Афин. Вместе с Периклом для спасения отечества призваны Солон, Мильтиад и Аристид. Будто бы комедия, наконец, реабилитировала Перикла: политик возвращен на землю для благородной миссии и помещен в достойное окружение. В «Демах» также, очевидно, отдается должное ораторскому искусству Перикла. Один из фрагментов комедии (Eurpol., v. 5, fr. 102) часто цитировался древними авторами, по-видимому, как весьма удачное описание красноречия Перикла и его особого дара убеждения слушателей²⁹. А в другом фрагменте «Демов» комедия будто превозносит и политический талант Перикла, так его и Мильтиада призывают выступить гарантами занятия должности стратега достойными кандидатами, а не «развратными юношами» (μετράκια κινόυμενα) (Eurpol., v. 5, fr. 104)³⁰. И. Стори видит в этом отрывке привычное для комедии противостояние молодого и старого поколения, а также сетование на то, что в былые времена должности занимали более благородные и умудренные опытом политики [35, р. 136]. Этот комический фрагмент косвенно подтверждает слова Фукидида о том, что после смерти Перикла в Афинах не нашлось политика, способного стать его достойным преемником (Thuc., II, 65).

²⁷ По мнению Дж. МакГлю, как раз этот образ политика, отстраненного от частных интересов, казался неправдоподобным в афинском обществе и вызывал такие яростные нападки в комедиях, особенно в пьесах Кратина [21, р. 170–171].

²⁸ О датировке пьесы, реконструкции сюжета и об особенностях постановки см. [35, р. 111–174; 23, р. 311–319; 36; 18, р. 550–551; 8].

²⁹ Например, Плиний Младший (Plin. Ep., I, 20. 17) и Диодор Сицилийский (Diod., XII, 40. 6): см. [19, р. 189, 205–206].

³⁰ Этот фрагмент навевает ассоциации со словами самого Перикла о нравственном облике стратега. По сообщению Плутарха, Перикл говорил Софоклу, любующемуся красивым мальчиком, о том, что у стратега должны быть чистыми не только руки, но и глаза (Plut. Per., 8).

Тем не менее, судя по сохранившимся репликам из «Демов», в этой комедии присутствовали и хорошо знакомые инвективы в адрес Перикла, такие как намеки на всеислие политика и его стремление отстаивать личное благо. Плутарх приводит реплику из «Демов» в адрес Перикла: «Зачем привел сюда главу подземных царств?»³¹ (ὄ τι περ κεφάλαιον τῶν κάτωθεν ἤγαγες, Plut. Per., 3 = Eurpol., v. 5, fr. 115). В слове “κεφάλαιον” и намек на чрезвычайное политическое влияние политика, и насмешки по поводу его внешности (особой формы головы), и указание на то, что он завершает пляяду возвращенных к жизни политиков, являясь самым «молодым» из них.

Меньше двух десятилетий прошло со дня смерти Перикла до постановки «Демов», еще не закончилась Пелопоннесская война, к началу которой политик имел непосредственное отношение, так что появление его фигуры на сцене должно было вызвать больше всего эмоций у афинян. Интересуясь судьбой Перикла-младшего, своего сына от Аспазии, Перикл в «Демах» вопрошает: «А незаконный-то мой жив?»³² (Plut. Per., 24 = Eurpol., v. 5, fr. 110). После смерти законных сыновей стратега от эпидемии Периклу-младшему были даны права афинского гражданства вопреки закону о гражданстве самого Перикла, установившему, что у истинного афинянина и отец, и мать должны быть гражданами Афин. В комедии Перикл получает ответ, что его сын жив, но стыдится, что его мать – блудница. И в этой фразе вновь всплывают распространенные шуточки об Аспазии, звучавшие еще при жизни Перикла³³.

Комический поэт Гермипп, согласно сообщению Плутарха, принимал деятельное участие в травле Перикла, выступая инициатором судебного процесса против Аспазии, обвиненной в нечестии (Plut. Per., 33). Правда, в современной историографии существует мнение, что драматург не имел отношения к этому суду, и Плутарх в своем изложении смешал реальный судебный процесс и обвинения в адрес Перикла и Аспазии, звучавшие в афинском театре [38, р. 52–53]. Если это, действительно, так, то ошибка Плутарха дополнительно свидетельствует о традиции переплетения театральной и социально-политической жизни полиса, а также об особой популярности комических произведений в афинском обществе.

Таким образом, комедия, пусть и в гипертрофированной форме, отражает слухи, настроения, убеждения, витавшие в афинском обществе, на сцене выплескиваются раздражения и упреки, хотя и не всегда справедливые, в адрес политиков, которые, возможно, в силу их авторитета или других причин не находили выхода в иных формах общественной жизни. Так Лисий во фрагменте речи против Кинесия говорит о том, что Кинесий виновен в таком нечестии, что любому стыдно даже говорить об этом, но мы каждый год слышим об этом от комических поэтов (Lys., XL).

Древнеаттическая комедия, безусловно, является одним из важных источников в отношении биографии Перикла. Несмотря на неизбежное искажение комического образа, основные векторы поэтических инвектив в адрес политика находят подтверждение в «Истории» Фукидида: это беспрецедентный авторитет Перикла, признание неизбежности тиранической власти афинян над союзниками

³¹ Перевод С.И. Соболевского.

³² Перевод С.И. Соболевского.

³³ Об образе Аспазии в древнеаттической комедии подробнее см. [37, р. 19–28].

в условиях уже сложившейся политической ситуации, развязывание войны со Спартой, которая, по мнению Перикла, неминуемо должна была начаться. Даже стратегия уклонения от решительного сражения во время Пелопоннесской войны нашла свое отражение на афинской сцене. Если Фукидид позиционирует свое сочинение как беспристрастное осмысление событий, попытку дать им максимально объективную оценку, то комедия – это, безусловно, субъективное представление преобладающих сиюминутных настроений афинского общества, доведенных до абсурда или поданных под неожиданным углом зрения. Но, несмотря на всю художественную составляющую комедии, в ее основе должны быть образы реальных людей и событий, иначе комические шутки не могли бы так остро восприниматься многотысячной аудиторией. Безусловно, если бы мы знали о Перикле только из пьес комедиографов, то нам сложно было бы представить реальную политическую фигуру. Это непросто сделать и сейчас. Но всё же в сочетании с изложением Фукидида комедия позволяет приблизиться к живому образу Перикла и возможной реакции на него афинского общества. По-видимому, нападки на Перикла в комедиях не воспринимались публикой всерьез, пока авторитет стратега был непоколебим, но в сложное для Афин время начала Пелопоннесской войны они могли усугублять уже возникшую неприязнь к опальному политику. Художественное слово, особенно метко сказанное, имеет большое влияние на историческую традицию, примером тому служит биография Перикла, написанная спустя пять веков после смерти политика Плутархом, активно обращавшимся в своих сочинениях к древнеаттической комедии.

Источники

- Ael. Aristid. – *Aristides, Aelius*. Orationes / Ed. by W. Dindorf. – Leipzig: Weidmann, 1829. – V. I–II. – URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus:text:2008.01.0588>, свободный.
- Aristoph. – *Аристофан*. Комедии. Фрагменты / Пер. с древнегр. А.И. Пиотровского. – М.: Ладомир: Наука, 2000. – 1033 с.
- Aristot. Ath. Pol. – *Аристотель*. Афинская полития / Пер. с древнегр. С.И. Радцига. – М.: Гос. социал.-экон. изд-во, 1937. – 255 с.
- Dem. – *Демосфен*. Речи: в трёх томах / Отв. ред. Е.С. Голубцова, Л.П. Маринович, Э.Д. Фролов. – М.: Памятники ист. мысли. – Т. 1. – 1994. – 608 с.
- Diod. – *Diodorus Siculus*. The Library of History / Transl. by C.H. Oldfather. – Cambridge: Harvard Univ. Press. – V. IV–V. – URL: https://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/Texts/Diodorus_Siculus/12B*.html, свободный.
- Hdt. – *Геродот*. История / Пер. Г.А. Стратановского. – Л.: Наука, 1972. – 600 с.
- Lys. – *Лисий*. Речи / Пер. С.И. Соболевского. – М.: Ладомир, 1994. – 384 с.
- PCG – *Poetae Comici Graeci*: V. 1–8 / Ed. by R. Kassel, C. Austin. – Berlin: W. de Gruyter, 1983. – V. 4. – xxxii, 367 p.; 1986. – V. 5. – xxii, 640 p.; 1989. – V. 7. – xxxiii, 813 p.
- Plin. Ep. – *Письма Плиния Младшего* / Пер. М.Е. Сергеевко, А.И. Доватура. – М.: Наука, 1982. – 405 с.
- Plut. Per. – *Плутарх*. Перикл / Пер. С.И. Соболевского // Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах. – М.: Наука, 1994. – Т. 1. – С. 176–200.
- Plut. Nic. – *Плутарх*. Никий / Пер. Т.А. Милера // Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах. – М.: Наука, 1994. – Т. 1. – С. 585–605.

- P. Oxy. – The Oxyrhynchus papyri. V. IV / Ed. and transl. by B.P. Grenfell, A.S. Hunt. – London: Egypt Exploration Fund, 1904. – xii, 306 p.
- Schol. Aristoph. – Scholia Aristophanica: Being Such Comments Adscript to the Text of Aristophanes as have been Preserved in the Codex Ravennas: V. I–III / Ed. and transl. by W.G. Rutherford. – London; N. Y.: Macmillan, 1896. – V. II. – 645 p.
- Thuc. – *Фукидид. История* / Пер. Г.А. Стратановского. – Л.: Наука, 1981. – 543 с.

Литература

1. *Vickers M.* Pericles on Stage: Political Comedy in Aristophanes' Early Plays. – Austin: Univ. of Texas Press, 1997. – xxxiv, 255 p.
2. *Vickers M.* Aristophanes and Alcibiades: Echoes of Contemporary History in Athenian Comedy. – Berlin: W. de Gruyter, 2015. – xxii, 241 p.
3. *Борухович В.Г.* Аристофан и Алкивиад // Классическая филология: Сб. ст. / Под ред. А.И. Доватура. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. – С. 52–68.
4. *Bowie A.M.* Aristophanes: Myth, Ritual and Comedy. – Cambridge; N. Y.: Cambridge Univ. Press, 1993. – xvi, 328 p.
5. *Rusten J.S.* 'The Odeion on his head': Costume and identity in Cratinus' Thracian Women fr. 73, and Cratinus' techniques of political satire // Performance in Greek and Roman Theatre. – Leiden; Boston: Brill, 2013. – P. 279–290.
6. *Azoulay V.* Pericles of Athens / Transl. from French by J. Lloyd. – Princeton; Oxford: Princeton Univ. Press, 2014. – xviii, 294 p.
7. *Суриков И.Е.* Перикл и Алкмеониды // Вестн. древней истории. – 1997. – № 4. – С. 14–35.
8. *Олсон С.Д.* «Демы» Евполида и афинская политика в 413–412 гг. до н.э. / Пер. с англ. Е.Ю. Чепель // Шаги / Steps. – 2017. – Т. 3. – № 4. – С. 128–140.
9. *Davies J.K.* Athenian Propertied Families 600–300 B.C. – Oxford: Clarendon Press, 1971. – xxxi, 653 p.
10. *Bowie A.M.* Myth and ritual in comedy // Brill's Companion to the Study of Greek Comedy. – Leiden; Boston: Brill, 2010. – P. 143–178.
11. *Schwarze J.* Die Beurteilung des Perikles durch die attische Komödie und ihre historische und historiographische Bedeutung. – München: C.H. Beck, 1971. – vii, 219 S.
12. *Matveeva S.Yu., Panov A.R.* Image of Pericles in comedies by Aristophanes // Modern Science. – 2016. – No 12. – P. 53–56.
13. *Podlecki A.J.* Perikles and His Circle. – London; N. Y.: Routledge, 1998. – xv, 253 p.
14. *Tracy St.V.* Pericles: A Sourcebook and Reader. – Berkeley; Los Angeles; London: Univ. of Calif. Press, 2009. – xxiv, 221 p.
15. *Гаспаров М.Л.* Примечания // Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах. – М.: Наука, 1994. – Т. 1. – С. 655–697.
16. *Суриков И.Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи: время расцвета демократии. – М.: Наука, 2008. – 384 с.
17. *Samons L.J.* Pericles and the Conquest of History: A Political Biography. – N. Y.: Cambridge Univ. Press, 2016. – 394 p.
18. Oxford Classical Dictionary / Ed. by S. Hornblower, A. Spawforth. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2012. – lvi, 1593 p.
19. Broken Laughter: Select Fragments of Greek Comedy / Ed. by S.D. Olson. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2007. – xviii, 476 p.

20. *Halliwell St.* Comic Satire and freedom of speech in classical Athens // *J. Hellenic Studies*. – 1991. – V. 111. – P. 48–70.
21. *McGlew J.* The comic Pericles // *Ancient Tyranny* / Ed. by S. Lewis. – Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2006. – P. 164–177.
22. *Braund D.* The Goddess Bendis in fifth century Athenian culture // *Вестн. древней истории*. – 2017. – Т. 77, № 3. – С. 574–598.
23. *Revermann M.* Comic Business: Theatricality, Dramatic Technique, and Performance Contexts of Aristophanic Comedy. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2006. – xiv, 396 p.
24. *Braun Th.* The choice of dead politicians in Eupolis' Demoi: Themistocles' exile, hero-cult and delayed rehabilitation, Pericles and the origins of the Peloponnesian War // *The Rivals of Aristophanes: Studies in Athenian Old Comedy*. – London: Duckworth Classical Press of Wales, 2000. – P. 191–232.
25. *Зайцев А.И.* Греческая религия и мифология: Курс лекций. – СПб.: Филол. фак. СПбГУ; М.: Академия, 2005. – 208 с.
26. *McNellen B.* Herodotean symbolism: Pericles as lion cub // *Illinois Classical Studies*. – 1997. – V. 22. – P. 11–23.
27. *Bakola E.* Cratinus and the Art of Comedy. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2010. – xvi, 380 p.
28. *Jones Gr.S.* Perikles and the sexual politics of Hermippos' Moirai: A new interpretation of Fr. 47 // *The Classical Journal*. – 2011. – V. 106. No 3. – P. 273–293. – doi: 10.5184/classicalj.106.3.0273.
29. *Bowie A.M.* The parabasis in Aristophanes: Prolegomena, Acharnians // *The Classical Quarterly*. – 1982. – V. 32, No 1. – P. 27–40.
30. *Carey Ch.* The Purpose of Aristophanes' Acharnians // *Rheinisches Museum für Philologie*. – 1993. – Bd. 136, H. 3/4. – P. 245–263.
31. *Forrest W.G.* Aristophanes' "Acharnians" // *Phoenix*. – 1963. – V. 17, No 1. – P. 1–12.
32. *Dover K.J.* Aristophanic Comedy. – Berkeley; Los Angeles: Univ. of California Press, 1972. – xvi, 253 p.
33. *Olson S.D.* Comedy, politics, and society // *Brill's Companion to the Study of Greek Comedy*. – Leiden; Boston: Brill, 2010. – P. 35–70.
34. *Туманс Х.* Перикл на все времена // *Вестн. РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение*. – 2010. – № 10. – С. 117–154.
35. *Storey I.C.* Eupolis, Poet of Old Comedy. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2003. – xii, 445 p.
36. *Torello-Hill G.* The Resurrection of Aristeides, Miltiades, Solon and Perikles in Eupolis' Demes // *Antichthon*. – 2008. – V. 42. – P. 40–55. – doi: 10.1017/S0066477400001830.
37. *Henry M.M.* Prisoner of History: Aspasia of Miletus and Her Biographical Tradition. – N. Y.; Oxford: Oxford Univ. Press, 1995. – vi, 201 p.
38. *McGlew J.F.* Citizens on Stage: Comedy and Political Culture in the Athenian Democracy. – Ann Arbor: Univ. of Mich. Press, 2002. – vi, 239 p.

Поступила в редакцию
15.04.2020

Рыканцова Ольга Александровна, библиотекарь

Центральная городская публичная библиотека имени В.В. Маяковского
наб. реки Фонтанки, д. 46, г. Санкт-Петербург, 191025, Россия
E-mail: olgarikantsova@mail.ru

Pericles' Character in Old Attic Comedy*O.A. Rykantsova**V.V. Mayakovsky Central City Public Library, St. Petersburg, 191025 Russia*E-mail: *olgarikantsova@mail.ru*

Received April 15, 2020

Abstract

The paper discusses Aristophanes' plays and the surviving fragments of other Old Attic comedy authors as one of the most important sources on Pericles' biography. The main themes of comic invectives at Pericles were analyzed. Besides the caricature of Pericles' appearance, the comedies contain serious attacks against the politician: Pericles' omnipotence and the tyrannical nature of his power are demonstrated; the politician is accused of unleashing the Peloponnesian War and its incorrect conduct. Such problems as the distortion degree of Pericles' comic character, its perception by the Athenian public, and the influence of comedy on the historical tradition concerning Pericles' politics remain debatable and do not lose their relevance. The paper is another attempt to correlate Pericles' image in comedy with what we know about him from other sources. Despite the subjectivity of the comic genre, comedy allows us to imagine more vividly Pericles' character reflected in the writings of historians, in "The History" by Thucydides in particular. Perhaps, the attacks on Pericles in comedies were not taken seriously by the public while the strategist's authority was unshakable, but at the beginning of the Peloponnesian War the comic accusations could intensify enmity to the disgraced politician. The word of fiction, especially when aptly said, has a great influence on historical tradition, an example of which is Pericles' biography written five centuries after his death by Plutarch, who actively used the fragments of Old Attic comedy in his works.

Keywords: Athens, Pericles, Old Attic comedy, Aristophanes, Peloponnesian War**References**

1. Vickers M. *Pericles on Stage: Political Comedy in Aristophanes' Early Plays*. Austin, Univ. of Texas Press, 1997. xxxiv, 255 p.
2. Vickers M. *Aristophanes and Alcibiades: Echoes of Contemporary History in Athenian Comedy*. Berlin, W. de Gruyter, 2015. xxii, 241 p.
3. Borukhovich V.G. Aristophanes and Alcibiades. In: Dovatur A.I. (Ed.) *Klassicheskaya filologiya* [Classical Philology]. Leningrad, Izd. Leningr. Univ., 1959, pp. 52–68. (In Russian)
4. Bowie A.M. *Aristophanes: Myth, Ritual and Comedy*. Cambridge, New York, Cambridge Univ. Press, 1993. xvi, 328 p.
5. Rusten J.S. 'The Odeion on his head': Costume and identity in Cratinus' Thracian Women fr. 73, and Cratinus' techniques of political satire. In: Harrison G.W.M., Liapis V. (Eds.) *Performance in Greek and Roman Theatre*. Leiden, Boston, Brill, 2013, pp. 279–290.
6. Azoulay V. *Pericles of Athens*. Princeton, Oxford, Princeton Univ. Press, 2014. xviii, 294 p.
7. Surikov I.E. Pericles and Alcmeonides. *Vestnik Drevnei Istorii*, 1997, no. 4, pp. 14–35. (In Russian)
8. Olson S.D. Eupolis' "Demes" and the Athenian politics in 413–412 BCE (translated by E.Yu. Chepel). *Shagi / Steps*, 2017, vol. 3, no. 4, pp. 128–140. (In Russian)
9. Davies J.K. *Athenian Propertied Families 600–300 B.C.* Oxford, Clarendon Press, 1971. xxxi, 653 p.

10. Bowie A.M. Myth and ritual in comedy. In: *Brill's Companion to the Study of Greek Comedy*. Leiden, Boston, Brill, 2010, pp. 143–178.
11. Schwarze J. *Die Beurteilung des Perikles durch die attische Komödie und ihre historische und historiographische Bedeutung*. München, C.H. Beck, 1971. vii, 219 S. (In German)
12. Matveeva S.Yu., Panov A.R. Image of Pericles in comedies by Aristophanes. *Modern Science*, 2016, no. 12, pp. 53–56.
13. Podlecki A.J. *Perikles and His Circle*. London, New York, Routledge, 1998. xv, 253 p.
14. Tracy St.V. *Pericles: A Sourcebook and Reader*. Berkeley, Los Angeles, London, Univ. of Calif. Press, 2009. xxiv, 221 p.
15. Gasparov M.L. Commentaries. In: Plutarch. *Sravnitel'nye zhizneopisaniya v dvukh tomakh* [The Parallel Lives in Two Volumes]. Vol. 1. Moscow, Nauka, 1994, pp. 655–697. (In Russian)
16. Surikov I.E. *Antichnaya Gretsija: politiki v kontekste epokhi: vremya rastsveta demokratii* [Ancient Greece: Politicians in the Context of the Epoch: The Heyday of Democracy]. Moscow, Nauka, 2008. 384 p. (In Russian)
17. Samons L.J. *Pericles and the Conquest of History: A Political Biography*. New York, Cambridge Univ. Press, 2016. 394 p.
18. *Oxford Classical Dictionary*. Hornblower S., Spawforth A. (Eds.). Oxford, Oxford Univ. Press, 2012. lvi, 1593 p.
19. *Broken Laughter. Select Fragments of Greek Comedy*. Olson S.D. (Ed.). Oxford, Oxford Univ. Press, 2007. xviii, 476 p.
20. Halliwell St. Comic Satire and freedom of speech in classical Athens. *Journal of Hellenic Studies*, 1991, vol. 111, pp. 48–70.
21. McGlew J. The comic Pericles. In: Lewis S. (Ed.) *Ancient Tyranny*. Edinburg, Edinburgh Univ. Press, 2006, pp. 164–177.
22. Braund D. The goddess Bendis in fifth century Athenian culture. *Vestnik Drevnei Istorii*, 2017, vol. 77, no. 3, pp. 574–598.
23. Revermann M. *Comic Business: Theatricality, Dramatic Technique, and Performance Contexts of Aristophanic Comedy*. Oxford, Oxford Univ. Press, 2006. xiv, 396 p.
24. Braun Th. The choice of dead politicians in Eupolis' Demoi: Themistocles' exile, hero-cult and delayed rehabilitation, Pericles and the origins of the Peloponnesian War. In: Harvey D., Wilkins J. (Eds.) *The Rivals of Aristophanes: Studies in Athenian Old Comedy*. London, Duckworth Classical Press of Wales, 2000, pp. 191–232.
25. Zaitsev A.I. *Grecheskaya religiya i mifologiya* [Greek Religion and Mythology]. St. Petersburg, Filol. Fak. SPbGU; Moscow, Akademiya, 2005. 208 p. (In Russian)
26. McNellen B. Herodotean symbolism: Pericles as lion cub. *Illinois Classical Studies*, 1997, vol. 22, pp. 11–23.
27. Bakola E. *Cratinus and the Art of Comedy*. Oxford, Oxford Univ. Press, 2010. xvi, 380 p.
28. Jones Gr.S. Perikles and the sexual politics of Hermippos' Moirai: A new interpretation of Fr. 47. *The Classical Journal*, 2011, vol. 106, no. 3, pp. 273–293. doi: 10.5184/classicalj.106.3.0273.
29. Bowie A.M. The parabasis in Aristophanes: Prolegomena, Acharnians. *The Classical Quarterly*, 1982, vol. 32, no. 1, pp. 27–40.
30. Carey Ch. The purpose of Acharnians. *Rheinisches Museum für Philologie*, 1993, Bd. 136, H. 3/4, pp. 245–263.
31. Forrest W.G. Aristophanes' "Acharnians". *Phoenix*, 1963, vol. 17, no. 1, pp. 1–12.
32. Dover K.J. *Aristophanic Comedy*. Berkeley, Los Angeles, Univ. of Calif. Press, 1972. xvi, 253 p.
33. Olson S.D. Comedy, politics, and society. In: *Brill's Companion to the Study of Greek Comedy*. Leiden, Boston, Brill, 2010, pp. 35–70.
34. Tumans Kh. Pericles forever. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vos-tokovedenie*, 2010, no. 10, pp. 117–154. (In Russian)
35. Storey I.C. *Eupolis, Poet of Old Comedy*. Oxford, Oxford Univ. Press, 2003. xii, 445 p.

-
36. Torello-Hill G. The resurrection of Aristeides, Miltiades, Solon and Perikles in Eupolis' Demes. *Antichthon*, 2008, vol. 42, pp. 40–55. doi: 10.1017/S0066477400001830.
37. Henry M.M. *Prisoner of History: Aspasia of Miletus and Her Biographical Tradition*. New York, Oxford, Oxford Univ. Press, 1995. vi, 201 p.
38. McGlew J.F. *Citizens on Stage: Comedy and Political Culture in the Athenian Democracy*. Ann Arbor, Univ. of Mich. Press, 2002. vi, 239 p.
-

⟨ **Для цитирования:** Рыканцова О.А. Образ Перикла в древнеаттической комедии // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 162, кн. 3. – С. 56–71. – doi: 10.26907/2541-7738.2020.3.56-71. ⟩

⟨ **For citation:** Rykantsova O.A. Pericles' character in Old Attic comedy. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2020, vol. 162, no. 3, pp. 56–71. doi: 10.26907/2541-7738.2020.3.56-71. (In Russian) ⟩